

СООТНОШЕНИЕ РЕЖИМА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ГУМАНИТАРНЫМ ПРАВОМ

В. М. Чернышова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ChernyshovaVM@bsu.by*

Исследование посвящено вопросу соотношения режима чрезвычайного положения с международным гуманитарным правом, что опосредовано необходимостью их одновременного применения в ситуации вооруженного конфликта с точки зрения норм международного права. На основе анализа нормативных и доктринальных источников автор делает вывод, что в соответствии с общим принципом права *lex specialis derogat generali* международное гуманитарное право в период вооруженных конфликтов имеет приоритет над нормами режима чрезвычайного положения. Вместе с тем в статье приводятся аргументы в пользу узкого толкования указанного принципа в данной ситуации, поскольку общий запрет отступлений от некоторых обязательств в области прав человека во время чрезвычайного положения касается прав, признанных «неизменным ядром» всей системы прав человека.

Ключевые слова: чрезвычайное положение; международное гуманитарное право; особый правовой режим; вооруженный конфликт; общие принципы права.

CORRELATION OF THE STATE OF EMERGENCY WITH INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

V. M. Chernyshova

*Belarusian State University,
4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus, ChernyshovaVM@bsu.by*

The article is devoted to the issue of the correlation of the state of emergency with international humanitarian law, which is mediated by the need for their simultaneous application in a situation of armed conflict from the point of view of the norms of international law. Through the analysis of international legal normative and doctrinal sources, the author concludes that in accordance with the general principle of law *lex specialis derogat generali*, international humanitarian law takes precedence over the norms of the state of emergency. At the same time, the article provides arguments in favor of a narrow interpretation of this principle in this situation, since the general prohibition of derogations from certain human rights obligations during a state of emergency concerns rights recognized as the «unchangeable core» of the entire human rights system.

Keywords: state of emergency; international humanitarian law; special legal regime; armed conflict; general principles of law.

Режим чрезвычайного положения, используемый для обеспечения безопасности населения и государства, является особым правовым инструментом, предусмотренным правом прав человека (далее — ППЧ) для применения в особых обстоятельствах — при существовании угрозы жизни нации. Данное положение вытекает из статьи 4 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — МПГПП, Пакт), регламентирующей режим чрезвычайного положения [1], а также ана-

логичных норм, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 15) [2], Американской конвенции о правах человека (ст. 27) [3], Европейской социальной хартии (ст. 30) [2], Копенгагенском документе ОБСЕ (п. 25) [5], Московском документе ОБСЕ (п. 28.1) [6], Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (ст. 35) [7] и др.

Ситуации вооруженного конфликта регулируются нормами международного гуманитарного права (далее — МГП), которое, «являясь цельной системой юридических принципов и норм, устанавливающих взаимные права и обязанности субъектов международного права по запрещению или ограничению применения определенных средств и методов ведения вооруженной борьбы, обеспечению защиты жертв конфликта в ходе этой борьбы и определяющих ответственность за нарушение этих принципов и норм» [8, с. 235], применяется только при наличии вооруженного конфликта с целью ограничения его негативных гуманитарных последствий [9, с. 19].

Однако, поскольку вооруженный конфликт представляет одну из возможных угроз для жизни нации согласно п. 3 Замечаний общего порядка № 29 Комитета по правам человека (далее — ЗОП № 29) [10], полагаем, что режим чрезвычайного положения как особый правовой инструмент может использоваться и в ситуации вооруженного конфликта.

Таким образом, в случае вооруженного конфликта сталкиваются два применимых права — МГП и ППЧ (в том числе в отношении обязательств, устанавливаемых режимом чрезвычайного положения). Так как реализация обоих правовых режимов связана с ограничениями прав и свобод человека и изменением принципов и условий взаимодействия органов государственной власти и населения, необходимо установить их соотношение с целью надлежащего применения.

Основные различия последствий применения ППЧ и МГП были отражены в докладе Международного комитета Красного Креста по итогам совещания экспертов «Применение силы в вооруженных конфликтах. Взаимосвязь между ведением военных действий и парадигмами правоприменения» 2013 г. [11].

Например, законная цель, в отношении которой может применяться сила, в соответствии с МГП не ограничивается только субъектом (или объектом), представляющим непосредственную угрозу жизни или здоровью. Военные объекты могут подвергаться нападениям независимо от наличия непосредственной угрозы, даже если в результате нападения может быть причинен случайный ущерб гражданскому населению. В соответствии с парадигмой ППЧ для того, чтобы применение силы считалось необходимым и соразмерным, должна существовать конкретная и неминуемая угроза жизни или здоровью со стороны одного или нескольких лиц [11, р. 6—8]. То есть, объем понятия «законная цель» по МГП шире, чем в ППЧ.

Принцип соразмерности, требующий установления баланса между рисками, исходящими от физического лица, и потенциальным ущербом для него, а также для случайных субъектов и объектов при применении

силы в соответствии с ППЧ, в рамках МГП защищает только окружающих гражданских лиц и гражданские объекты от ущерба, который был бы чрезмерным по сравнению с конкретным военным преимуществом, ожидаемым от нападения. То есть законная цель нападения не подпадает под действие данного принципа [11, р. 6—8].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что выбор применимого права имеет огромное значение. В этой части особую роль играет национальное законодательство государств, которое и определяет область и рамки реализации особых правовых режимов.

В соответствии со статьей 4 МПГПП во время чрезвычайного положения допускается принимать меры в отступление от обязательств по Пакту, кроме обязательств по статьям 6 (право на жизнь), 7 (запрет пыток или жестокого обращения или наказания), 8 (п. 1, 2) (запрет рабства и подневольного состояния), 11 (запрет лишения свободы на том только основании, что человек не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство), 15 (принцип законности в области уголовного законодательства), 16 (право на признание правосубъектности), 18 (свобода мысли, совести и религии) [1].

В соответствии с общим принципом права *lex specialis derogat generali* специальный закон — в данном случае МГП — отменяет общий — в данном случае общую статью 4 МПГПП. Однако следует учитывать, что, как отметил Комитет по правам человека в ЗОП № 29, «провозглашение в пункте 2 статьи 4 ряда положений Пакта как не допускающих отступлений следует отчасти рассматривать как признание императивного характера некоторых основных прав, закрепленных в Пакте» (п. 11) [10]. То есть данные права имеют универсальный характер и не допускают ограничений вне зависимости от правового режима, применяемого в конкретных обстоятельствах. В случае противоречий, данные права должны иметь приоритет в соответствии с общим принципом *lex superior derogat legi inferior* (закон высшей юридической силы отменяет действие закона низшей юридической силы).

Таким образом, полагаем, что в ситуации вооруженного конфликта принцип *lex specialis derogat generali* должен толковаться в узком значении, и это необходимо учитывать в национальном законодательстве государств, поскольку указанные в статье 4 Пакта права человека, отступление от которых не допускается, признаны «неизменным ядром» всей системы прав человека.

В тоже время в ситуациях вооруженного конфликта полное соблюдение прав, отступление от которых недопустимо, *a priori* невозможно. Поэтому, применяя узкое толкование принципа *lex specialis derogat generali*, можно сказать, что МГП в ограниченной форме, но отменяет некоторые положения статьи 4 МПГПП.

Например, в условиях вооруженного конфликта право на жизнь, в соответствии с МГП, также как и в ППЧ сохраняет свою императивность, но не в отношении комбатантов, которые являются законной целью для

применения силы, поскольку имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях (п. 2 ст. 43 Протокол I к Женевским конвенциям). В тоже время МГП в полном объеме соблюдает положения статьи 4 Пакта, касающиеся запрета пыток, рабства и другие положения (ст. 3 Женевских конвенций 1949 г., ст. 11 Протокола I, ст. 4 Протокола II к Женевским конвенциям и др.), которые объективно могут быть реализованы в период вооруженного конфликта [12].

Таким образом, ситуации вооруженного конфликта подпадают под сферу действия статьи 4 Пакта, в том числе под общий запрет от отступления от указанных в ней обязательств, за исключением тех, исполнение которых в полном объеме не представляется возможным в силу самого существования вооруженного конфликта, и отступление от которых разрешено международным гуманитарным правом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года] // Организация Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 01.09.2024).
2. Европейская конвенция по правам человека // Совет Европы. — URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus (дата обращения: 01.09.2024).
3. Американская конвенция о правах человека: [Принята Межамериканской конференцией по правам человека 22 нояб. 1969 г. в Сан-Хосе] // Университет Миннесоты. — URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/instree/Rzoas3con.html> (дата обращения: 01.09.2024).
4. Европейская социальная хартия от 18 окт. 1961 г. // Совет Европы. — URL: <https://rm.coe.int/168006b7fo> (дата обращения: 01.09.2024).
5. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ от 29 июня 1990 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. — URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304> (дата обращения: 01.09.2024).
6. Документ Московского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ от 3 окт. 1991 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. — URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/a/14314.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).
7. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. — URL: <https://cis.minsk.by/page/11326/konvencii-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-o-pravah-i-osnovnyh-svobodah-celoveka-26-maa-1995-g-minsk> (дата обращения: 01.09.2024).
8. Международное публичное право. Особенная часть: учеб. пособие / Ю. П. Бровка [и др.]; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. — Минск: Амалфея, 2011. — 688 с.
9. Мельцер, Н. Международное гуманитарное право. Общий курс / Н. Мельцер. — Женева: Международный комитет Красного Креста, 2018. — 419 с.
10. States of Emergency (Article 4): General Comment N 29: UN Doc. CCPR/C/21/Rev.1/Add.11 // United Nations Digital Library. — URL: <https://digitallibrary.un.org/record/451555> (дата обращения: 20.07.2024).
11. The use of force in armed conflicts: Interplay between the conduct of hostilities and law enforcement paradigms // International Red Cross Committee. — URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/publications/icrc-002-4171.pdf> (date of access: 20.08.2024).
12. Женевские конвенции и комментарии к ним // Международный комитет Красного Креста. — URL: <https://www.icrc.org/ru/law-and-policy/geneva-conventions-and-their-commentaries> (дата обращения: 01.09.2024).